

ИЗ ИСТОРИИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.
(эпизоды, связанные с исследованием музыки)*

ЯАН РОСС

В разные эпохи деятельности Тартуского университета музыка периодически включалась в число учебных дисциплин. Студенты могли изучать ее в качестве общего предмета. Еще в шведское время, в 1691 г., в университете была утверждена должность преподавателя музыки [Lõbu: 60–70; Rohtla 2005: 443–455]. Правда, ввиду переезда университета в Пярну и затем его закрытия, деятельность этого преподавателя музыки не оказала влияния на музыкальную жизнь Тарту. После вторичного открытия университета в 1802 г. были предусмотрены должности преподавателей верховой езды, танцев, фехтования рисования и музыки, однако последняя была заполнена далеко не сразу. В конце 1806 г. 17 студентов (что тогда составляло около четверти от общего числа!) обратились к ректору с просьбой как можно скорее заполнить вакансию [Rohtla 2008: 29–38]. В результате в 1807 г. преподавателем музыки стал Генрих Вильгельм Фрике, проработавший в этой должности до 1815 г. [Rand, Jaanson: 76–96].

До 1893 г. преподавание музыки в университете практически не прерывалось, но затем, из-за перевода обучения на русский язык, должность музыкального педагога вновь оставалась вакантной. В период самостоятельности Эстонии ее не-

* Автор считает своим приятным долгом поблагодарить Д. Б. Азиатцева, А. А. Данилевского, С. Г. Доценко, С. Г. Исакова, Л. Н. Киселеву, Г. М. Пономареву, Т. Пунга, А. Пылдмяэ, Г. Рэммер (Рохтла), А. Селарта и Т. К. Шор за помощь в подготовке настоящей статьи. Эстонская версия — “Paarist muusika uurimist puudutavast seigast XIX saj lõpus ja XX saj alguses seonduvalt Tartu Ülikooliga” — опубликована в журнале “Tuna” (2009. Nr 1).

долго занимали Энн Вырк и Альфред Каринди (в то время Карафин)¹. После Второй мировой войны возможность заниматься музыкой в университете предоставляли, в первую очередь, хоры, среди дирижеров которых были Вайке Уйбопуу и Ало Ритсинг, педагоги, имевшие большой опыт и стаж работы.

Однако время от времени в университете появлялись профессора, чьей основной специальностью была отнюдь не музыка, но чей интерес к ней был столь велик, а познания столь профессиональны, что они смогли оставить след в научно-музыкальной области и приобрести известность за пределами Эстонии. Самым известным музыковедом, жившим в Эстонии, можно считать профессора физики Артура фон Эттингена (Arthur von Oettingen, 1836–1920)². Главный труд Эттингена — «Система гармонии в дуалистическом развитии» [Oettingen] — был опубликован в Тарту в 1866 г. Его значение заключается в рассмотрении мажора и минора — основных ладов западной тональной музыки — как зеркального отражения друг друга. На эту книгу ученые ссылаются до сегодняшнего дня, особенно музыковеды немецкоязычного ареала. Однако значение Эттингена как музыковеда названной книгой не ограничивается. В 1870-х гг. он начал собирать эстонские народные аллитерационные песни — как тексты, так и напевы, большую часть которых опубликовал Михкель Веске [Veske: 21–23]. Здесь уместно напомнить о том, что известный призыв Якоба Хурта собирать фольклор был направлен в первую очередь на тексты песен, а массовое собирание рунических напевов началось в Эстонии лишь в начале XX в., т.е. через несколько десятилетий после того, как это стал делать Эттинген.

¹ В конце 1920-х гг. о необходимости иметь в Тартуском университете должность преподавателя музыки велись жаркие споры. Разногласия вызывал вопрос, должна ли деятельность музыкального педагога иметь только практическую направленность (главным образом — руководство хором), или он должен также читать лекции и вести исследовательскую работу (см.: [Lõbu]).

² О музыковедческой деятельности Эттингена см. подробнее: [Hutmal: 53–60; Goldbach: 217–240]. Более общий обзор деятельности Эттингена см.: [Pung: 54–81; Allik: 618–625].

Создается впечатление, что Эттинген в тогдашнем Тарту был одним из немногих, кто понимал несовместимость аллитерационных напевов с канонами западной тональной музыки. Гармонизация аллитерационных напевов как «эстонских песен», в т.ч. их обработка для хоров, стала совершенно естественной деятельностью таких эстонских композиторов конца XIX в., как Карл Аугуст Херманн или Мийна Хярма. Представляется, что Эттинген воспринимал музыкальную сущность аллитерационных напевов по модальным моделям, как мы их знаем по творчеству Марта Саара, Кириллуса Крезка либо, ярче всего, — Вельо Тормиса³.

В 1893 г. Эттинген покинул Тарту и перебрался в Германию, как и многие другие немецкие профессора, которые либо не пожелали, либо не смогли овладеть русским языком⁴. Начатую им в университете деятельность во многих направлениях продолжил русский профессор физической географии и метеорологии Борис Измайлович Срезневский (1857–1934). Он

³ В XIX в. семья Эттингенов пользовалась в Лифляндской губернии очень большим влиянием. Артур Иоахим был младшим из пяти братьев, доживших до взрослого возраста. Старший брат Александр Константин (1827–1905) стал профессором систематического богословия Тартуского университета и деканом теологического факультета; Аугуст Георг Фридрих (1823–1908) стал губернатором Лифляндии (1862–68), а позднее — градоначальником города Риги (1886–89). Карьера Эдуарда Рейнгольда (1829–1919) была самой скромной — он служил чиновником в городе Тарту; Георг Филипп (1829–1919) стал врачом-офтальмологом, деканом медицинского факультета (1867–68), ректором Тартуского университета (1868–76) и, наконец, градоначальником Тарту (1878–91). Семье Эттингенов принадлежали поместья (мызы) в Лууа, Визусти и др. местах на севере Тартуского уезда. См.: [Lexicon: 555–559].

⁴ Для некоторых профессоров все же было сделано исключение. Напр., анатом Антон Раубер продолжал читать студентам лекции на «смеси латинского и немецкого» и после 1893 г. См.: [Грабарь: 62]. На немецком языке продолжали вести преподавание также и зоолог Юлиус фон Кеннель, и географ Рихард Муке (Mucke). См.: [Maurer: 500–538].

происходил из семьи известного языковеда академика Измаила Ивановича Срезневского [Лийдемаа: 5–11; Словарь: 435–439]. И. И. Срезневский был невысокого мнения о тогдашней российской образовательной системе и предпочел дать своим восьмерым детям домашнее образование, тщательно подбирая педагогов. Докторскую диссертацию «О бурях на Черном и Азовском морях» Б. И. Срезневский защитил в Московском университете в 1888 г., кроме того, в 1893 г. ему было присвоено звание почетного доктора Тартуского университета.

В деятельности Эттингена и Срезневского просматривается некоторый параллелизм, по крайней мере, в двух сферах — это ведение метеорологических наблюдений и интерес к изучению музыки. Вести метеонаблюдения в Тарту Эттинген начал в своем доме на улице Тийги⁵ в 1865 г. и продолжал их в домашних условиях до тех пор, пока одиннадцатью годами позднее университет официально не ввел в свою структуру метеорологическую обсерваторию. В 1890-х гг. ее заведующим был Срезневский. Для нас бóльший интерес представляет деятельность Срезневского, связанная с исследованием музыки. В автобиографии, вышедшей в 1928 г. (см.: [Семенов-Тянь-Шанский: 227–234]), Срезневский пишет, что на общественных началах «устраивал студенческий оркестр, выступал с публичным чтением и речами о Бэре, Гельмгольце, Гоголе, Пушкине, Жуковском, Аренском, Верди, Григе, о выразительности в музыке, о делении октав на 23 и 53 тона» и о мн. др. вопросах. До сих пор остается невыясненным, все ли эти выступления проходили в стенах Тартуского университета. В 1918 г., ввиду наступления германских войск, Срезневский вместе со многими другими профессорами эвакуировался из

⁵ Дом не сохранился. Позже, однако, метеонаблюдения были продолжены в другом здании, находящемся практически рядом с первым и принадлежавшем Александру фон Эттингену, брату Артура фон Эттингена. Это красный кирпичный дом на краю бывшего оборонительного рва за Тартуским художественным музеем, в продолжение многих лет использовавшийся как Дом работников здравоохранения. См.: [Prüller: 3–35; Liidemaа: 63–77].

Тарту в Россию и затем на Украину, где работал в Киеве до самой смерти. В Ученых записках Тартуского университета в 1890-х гг. были напечатаны две статьи Срезневского, посвященные музыке: «Открытия Гельмгольца в области теории музыки» [Срезневский 1895: 36–66] и «Пушкин и музыка» [Срезневский 1899: 94–103]. Основой для обеих послужили доклады автора, сделанные им в университете соответственно 8 ноября 1894 и 26 мая 1899 (даты здесь и ниже приводятся по старому стилю). Нетрудно догадаться, что доклад о связях творчества Пушкина с музыкой был приурочен к 100-летней годовщине со дня рождения поэта, торжественно отмечавшейся по всей России.

К деятельности Гельмгольца Срезневский испытывал интерес уже в юности. В уже упоминавшейся автобиографии он замечает, что знакомство со знаменитой книгой Гельмгольца «Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки» (1863) в свое время побудило его поступить именно на математический факультет Петербургского университета, т.е., в отличие от отца, сделать выбор в пользу реальных, а не гуманитарных наук.

В начале статьи, посвященной деятельности Гельмгольца, Срезневский ссылается на своего предшественника Артура фон Эттингена, отмечая, что «наш университет в лице своих физиков не остался безучастным в разработке учения о звуковых ощущениях, и благодаря этому наш физический кабинет довольно богато снабжен пособиями по акустике и в частности по музыкальной акустике» [Срезневский 1895: 36–37]. В своей статье автор более обстоятельно описывает два из них. Как явствует из инвентарной книги университетского физического кабинета [МИУ], оба инструмента прибыли в Тарту в 1879 г. По всей вероятности, во время эвакуации университета в 1918 г. они попали в Воронеж. Первым музыкально-акустическим инструментом было пианино, где звук извлекался не молоточками, бьющими о струны, а камертонами разной величины (вследствие чего они издавали звуки разной высоты). Как известно, звук, вызванный камертоном, почти свободен от обертонов и тем самым по характеру вибраций при-

ближается к чистому тону. Срезневский пишет, что основывающаяся на арпеджированных аккордах известная до-мажорная прелюдия из первой части «Хорошо темперированного клавира» Баха, «исполняемая на этом инструменте, получает какой-то совершенно небесный характер» [Срезневский 1895: 47] благодаря необычному тембру. В инвентарной книге физического кабинета [МИУ] пианино с камертонами названо «Tonhöhenapparat».

Вторым музыкальным инструментом, описанным Срезневским, была фисгармония с пятью мануалами, что позволяло делить октаву на более мелкие части, чем 12 полутонов, исходящих из равнотемперированного строя. В то время еще не знали, что при исполнении музыки, за исключением инструментов с фиксированным строем, систематически не используется ни одна система строя, описываемая в музыкальной теории. Величина интервалов при исполнении в значительной мере зависит от контекста и, таким образом, образует один из компонентов музыкальной выразительности. Приобретенная Эттингеном фисгармония позволяла делить октаву на 53 части и применять при исполнении разные системы строя: такие, как Пифагоров строй, натуральный строй и др. Срезневский пишет, что «многие, кому случилось играть на фисгармониях, позволяющих извлекать натуральные интервалы, отзываются с восторгом о полученном ими впечатлении чистоты [возникающих] созвучий» [Срезневский 1895: 62].

Как видим, Срезневский хорошо ориентировался как в естественнонаучных, так и в эстетических вопросах. Резюмируя работы Гельмгольца, он пишет:

После физического объяснения общих основ гармонии и голосоведения следовало бы перейти к более художественным частям теории музыки, к учению о ритме, о формах композиции, о средствах музыкального выражения. Здесь начинается интереснейшая часть музыкальной эстетики, и научное исследование ее может казаться крайне заманчивым. Но естествоиспытатель наталкивается здесь на психологические мотивы, выводящие его из сферы современного, я подчеркиваю — современного, естествознания,

так как в область психологии натуралисты ныне только начинают делать шаги [Срезневский 1895: 63].

Заслуживает внимания, что в речи, посвященной столетию Пушкина, и в статье, написанной позднее на ее основе, Срезневский решил сосредоточиться именно на вопросах, касающихся музыки. Из них он более глубоко рассматривает два: классическую уравновешенность как одну из непреходящих ценностей искусства и способность музыки передавать окружающую нас реальность. Сравнивая поэзию Пушкина с достижениями Моцарта, Рафаэля и Кановы, Срезневский приходит к выводу, что все произведения названных творцов объединяет стремление к классическим эстетическим принципам в искусстве, в то время как тенденции, развивающиеся в искусстве конца XIX в., по мнению автора, далеко не всегда заслуживают одобрения как слишком экзальтированные и даже болезненные. Срезневский пишет: классики «ставили своим идеалом идеал чистой красоты, остерегаясь болезненного возбуждения, причиняемого менее тонкими произведениями искусства» [Срезневский 1899: 101].

Что же касается способности музыки отражать окружающую реальность, то Срезневский считает ее довольно ограниченной. Вспомним, что речь идет об эпохе, когда так называемая программная музыка находилась на пике своей популярности (см., например, симфонические поэмы эстонского классика Хейно Эллера «Утренняя заря» и «Вечерняя заря», хотя они созданы несколько позднее, в 1920 и 1917 гг.). Срезневский выражает свою позицию весьма элегантно, пользуясь для этого мыслью самого Пушкина, которую тот вложил в уста Моцарта в «Моцарте и Сальери», когда композитор не находит слов, чтобы передать слушателю содержание только что созданного им музыкального творения. Срезневский заключает:

Пушкин признает следовательно в музыке прежде всего ее самостоятельную прелесть, а затем настроение; вместе с тем он не отвергает в музыке некоторой изобразительности, допуская впрочем картины действительности, как атрибут, но не существенное начало музыки, и предоставляя большую свободу в выборе этих атрибутов [Там же: 99].

Срезневский, к сожалению, не мог дальше оставаться в Тартуском университете, согласно действовавшему законодательству, так как к 1915 году он проработал здесь уже 30 лет. Поскольку сразу найти ему замену было невозможно, тогдашний ректор П. П. Пусторослев через Рижский учебный округ ходатайствовал перед Министерством народного просвещения о присвоении Срезневскому статуса внештатного, или «сверхштатного» профессора [ЭИА–384: Л. 26]. Внештатным профессорам жалованья не платили, однако они могли получать от университета т.н. «вознаграждение». Искомый статус, по разрешению Министерства, был Срезневскому присвоен. Отметим попутно, что, как явствует из письма ректора попечителю Рижского учебного округа от 9 марта 1916 г., доходы Срезневского состояли тогда из трех частей: пенсия — 3000 рублей, вознаграждение внештатного профессора — 1200 рублей и возмещение расходов на квартиру — 400 рублей [Там же: Л. 38]. Поскольку размер пенсии превышал его вознаграждение в два с половиной раза, то можно утверждать, что на своей университетской должности Срезневский работал, начиная с 1915 г., за весьма небольшую оплату.

К этому же периоду относится еще один характерный для того времени эпизод, на котором стоит вкратце остановиться. 26–29 марта 1915 г. в Москве проходил Всероссийский съезд учителей географии, в котором Срезневский хотел принять участие. К сожалению, университет не имел то ли полномочий, то ли материальных средств для того, чтобы командировать внештатного профессора в Москву, и поэтому Срезневский при посредстве Тартуских подготовительных учительских курсов обратился к попечителю Рижского учебного округа с просьбой исходатайствовать ему у Министерства народного просвещения командировочные деньги для поездки на съезд [Там же: Л. 10]. На соответствующем прошении стоит число — 18 марта, т.е. оно было послано лишь за неделю до начала съезда, поэтому ответа до начала съезда Срезневский не дождался и, по всей вероятности, поехал в Москву за свой счет. Однако ответа не последовало и после возвращения профессора из Москвы. После более чем месячного ожидания

терпение Срезневского лопнуло, и в среду, 13 мая 1915 г., он отправил из Тарту в Ригу тамошнему попечителю учебного округа Щербакову телеграмму следующего содержания: «Покорно прошу принять завтра или пятницу. Срезневский» [ЭИА–384: Л. 12]. Из телеграммы явствует, что 58-летний действительный статский советник ожидал получить ответ из Риги в тот же день и был готов уже вечером сесть на поезд, чтобы за ночь доехать до Риги и на следующее утро явиться на прием к высокому чиновнику. Можно сказать, что Срезневский рассчитал все правильно. Хотя аудиенцию он получил не на следующий день, а через день, т.е. в пятницу, 15 мая [Там же]⁶, однако 23 мая Министерство народного просвещения *post factum* выделило Срезневскому 150 рублей на покрытие командировочных расходов [Там же: Л. 13].

Юлия Ивановна, жена упомянутого выше Петра Павловича Пусторослева, бывшего в 1915–1917 гг. ректором Тартуского университета, также причастна к изучению музыки. В 1913 г. из-под ее пера вышел объемистый (461 стр.) учебник на русском языке под названием «Элементарная теория музыки» [Пусторослева 1913]⁷. Из библиографических данных [Бернандт, Ямпольский: 312] явствует, что, кроме этой книги, у автора в 1915 г. вышла еще одна публикация — краткая статья «Упрощение знака дубль-бемоля» [Пусторослева 1915]. В ней автор предлагает заменить в нотописии обозначение дубль-бемоля знаком одинарного бемоля с добавлением горизонтальной черточки, подобно тому, как это делается во многих

⁶ На бланке телеграммы, посланной Срезневским в Ригу, стоит резолюция попечителя Рижского учебного округа, помеченная тем же числом: «Профессору Срезневскому. Прошу пятницу. Попечитель Щербаков».

⁷ Московские и петербургские музыкальные издатели братья Юргенсоны (которые напечатали книгу в Москве и Петербурге) были эстонского происхождения. Ведшего свою деятельность в Москве Петра (Пезтера) Юргенсона можно считать основателем современного музыкального издательства в России. На основе его деятельности выросло и сейчас работающее в Москве издательство «Музыка».

языках для обозначения долготы звука. Предложение само по себе было логичным, однако нереалистичным. Крупные нотные издательства в то время, да и позднее (вплоть до начала использования компьютеров), не уничтожали набора издаваемых партитур, а постоянно допечатывали ноты соответственно спросу. Поэтому на нотах стоял не год издания, а их индивидуальный идентификационный номер. Например, партитура написанного в 1964 г. известного «Квинтетино» Арво Пярта, вышедшая в издательстве Peters в Лейпциге, имеет номер 5774a, а не год издания. Таким образом, вряд ли нотные издательства взяли бы на себя труд вносить коррективы в тысячи имеющихся печатных наборов только потому, что супруга будущего ректора провинциального университета посоветовала им это сделать.

Ю. И. Пусторослева родилась 1 апреля 1869 г. [ЭИА–402: Л. 32 об.] в семье коллежского асессора Ивана Трофименко и была второй женой П. П. Пусторослева. В семье рос сын Пусторослева от первого брака Георгий (род. в 1876 г.) [ЭИА–384а: Л. 15]. В 1893 г. П. П. Пусторослев защитил в Московском университете докторскую диссертацию, и его назначили вначале экстраординарным, а после защиты докторской — ординарным профессором уголовного права Тартуского университета [Словарь: 532–535]. П. П. Пусторослев покинул Тарту в 1918 г. в связи с эвакуацией университета в Воронеж (можно утверждать, что он был одним из ее инициаторов), он умер в Москве и похоронен на Новодевичьем кладбище [Кипнис: 133], но Ю. И. Пусторослева похоронена где-то в другом месте.

Учебных пособий по теории музыки на русском языке к 1913 г. было издано уже очень много. Сама Ю. И. Пусторослева перечисляет в конце своей книги целых 39, вышедших в 1874–1911 гг. [Пусторослева 1913: 450–452], в том числе и известные учебники Хуго Римана и Адольфа Бернхарда Маркса, переведенные с немецкого языка. Здесь может возникнуть закономерный вопрос: для какого читателя предназначался учебник Пусторослевой (ибо сам автор на этот вопрос ответа не дает).

В 1897–1919 гг. в Тарту на улице Пеплери работала музыкальная школа Р. Гривинга, главным предназначением которой была подготовка органистов для эстонских, латышских и немецких приходов Лифляндской губернии⁸. Рудольф Гривинг (1853–1922) был по национальности латыш, музыкальное образование получил в Лейпцигской консерватории⁹. Его школа считалась первым профессиональным музыкальным учебным заведением в Эстонии, и нынешнее Тартуское музыкальное училище имени Хейно Эллера можно назвать ее преемником. Контингент учащихся составляли в основном эстонцы и латыши, а преподавательский состав — немцы. Обучение велось на немецком языке. Имен представителей тартуской русской общины в архивных материалах, отражающих деятельность школы, мы не обнаружили. Что же касается учебников, то представляется, что Гривинг предпочитал пособия, знакомые ему еще по Лейпцигу (книги Ядассона, Краузе, Прохазки и др.). Возникает искушение предположить, что выход в свет учебника Пусторослевой в музыкальной школе Гривинга даже не заметили, поскольку сословные, национальные и конфессиональные барьеры в Тарту того времени были достаточно жесткими.

Предпринятые нами попытки найти следы использования учебника Пусторослевой в российских музыкальных учебных заведениях также пока не дали результатов. Более основательное ознакомление с содержанием учебника Пусторослевой

⁸ Очень хороший обзор деятельности музыкальной школы Гривинга дает рукопись бывшего ученика школы Й. Саарнийта, составленная в 1964 г. “Rudolf Griwing ja tema muusikakool Tartus 1897–1920”. См.: [МТМ: Л. 1]. За помощь в работе с материалами, касающимися музыкальной школы Гривинга, выражаю благодарность сотруднику музея Ало Пылдымяэ.

⁹ Эстонские музыканты учились в то время преимущественно в Петербургской консерватории. Относительно национальности Гривинга на основе воспоминаний его учеников создается несколько противоречивая картина. Одни считают его онемечившимся латышом, другие — латышским националистом с умеренными взглядами. См.: [МТМ].

указывает на то, что причины его небольшой популярности скрываются в нем самом. В традиции российского музыковедения элементарная теория музыки состоит из следующих частей:

нотная грамота; общие понятия об элементах музыки и средствах музыкальной выразительности — ритме, метре, ладе, тональности, интервалах, аккордах, темпе, динамике, формах мелодического движения, мелизмах, о музыкальном синтаксисе, гармонических связи главных аккордов в тональности и внутритональных отклонениях. Ряд сведений по музыкальной грамоте [исходя из традиций] выделен из курса элементарной теории музыки и включен в курс сольфеджио, предназначенный для детских муз. школ и вечерних школ общего музыкального образования [Вахромеев].

В учебнике Пусторослевой 21 глава. Из них нотописанию, т.е. тому, каким образом можно корректно записать на бумаге музыкальный текст, посвящена непропорционально большая часть (главы 6–8 и 17). Из других традиционных частей элементарной теории музыки рассматриваются ритмика и метрика (гл. 14), лады (гл. 9–11), тональность (гл. 13), интервалы (гл. 5 и 12) и мелизмы (гл. 18). О темпе и динамике речь идет в 20-й главе, которая носит название «Некоторые элементарные понятия о теории музыкального исполнения в связи с его терминологией и сокращениями этой терминологии и нотного письма». Название этой главы дает читателю представление о характере нарратива, используемого Пусторослевой. В целом возникает впечатление, будто мы имеем дело скорее с учебником по нотописанию, чем с учебником по элементарной теории музыки. Это впечатление усиливает глава 15 — «Паузы», в начале которой читателю предлагается перечень видов пауз, а затем они щедро иллюстрируются нотными примерами из сокровищницы музыкального искусства (как разные композиторы использовали различные паузы при записи своих произведений). Как уже упоминалось выше, Пусторослева очень хорошо знала музыкальную литературу, в том числе и современную. В книге содержится пример из фортепьян-

ного цикла Мориса Равеля «Ночной Гаспар», созданный всего за несколько лет до ее выхода.

Сущим курьезом в учебнике Пусторослевой становится то место (с. 432), где она знакомит читателя с тем, как называется волынка у индусов, римлян, итальянцев, французов, немцев, англичан, русских, словаков, грузин (название воспроизводится грузинской графикой!), молдаван, персов, арабов, чувашей, китайцев и японцев. Критически настроенный читатель мог бы задаться вопросами: исходя из каких критериев этот список составлен? Какое отношение он имеет к теме книги? И, наконец, почему в списке нет названия на эстонском языке, хотя известно, что волынка является самым популярным музыкальным инструментом у эстонцев (среди которых Пусторослева жила и общалась с которыми, вероятно, не могла избежать, когда писала свою книгу).

На стр. 373 автор поместил рентгеновский снимок кисти своей руки, который по ее просьбе сделал в хирургической клинике Тартуского университета тогдашний ее директор профессор Вернер Цёге фон Мантейфель. Этот снимок включен в уже упомянутую 20-ю главу, в которой рассматривается вопрос об исполнении музыки, в том числе, естественно, и работа рук интерпретатора. Несмотря на это, читателю трудно избавиться от впечатления, что в учебнике Пусторослевой много информации приведено не столько потому, что этого требует предмет, а потому, что автор просто обладает этой информацией. Если такая оценка справедлива, то становится понятной небольшая популярность учебника. Преподавателю теории музыки при изложении своего предмета требуется не набор хаотически представленных фактов, а имеющее четкую структуру, логически построенное, содержательное рассмотрение материала. Этого учебник Пусторослевой, к сожалению, не обеспечивает.

И в завершение остановлюсь вкратце на одном эпизоде, связанном с мужем Ю. И. Пусторослевой, профессором уголовного права П. П. Пусторослевым. Случай представляется весьма интересным и показательным для характеристики жизни и быта тогдашнего Тарту. Речь идет о его попытке само-

убийства. Всю эту историю довольно подробно описывает в черновике своего письма от 26 мая 1896 г. тогдашний попечитель Рижского учебного округа Н. А. Лавровский [ЭИА–384а: Л. 29–30]. Письмо написано в ответ на соответствующий запрос, присланный из Санкт-Петербурга, из Министерства народного просвещения.

Кроме должности ординарного профессора, в 1896 г. Пусторослев исполнял еще и обязанности декана юридического факультета. 10 мая студент Вацлав (в письме попечителя он почему-то назван Лудзар) Жмудский, родом из польских дворян, пожелал сдать экзамен по государственному праву. В 1895 г. он был отчислен из Варшавского университета, однако вскоре его приняли в Тартуский университет. К сожалению, Жмудский экзамена не выдержал. Когда декан сообщил ему о неудовлетворительном результате, студент ударил декана. Пусторослев в долгу не остался и нанес студенту ответный удар. Жмудский хотел ударить декана второй раз, но присутствующие его удержали. В это время проходило заседание правления университета. Пусторослев, вместе с профессорами Дьяконовым и Остроградским, принимавшими экзамен, отправился на заседание и известил о только что произошедшем инциденте. В правлении поняли серьезность случившегося и немедленно поставили вопрос на обсуждение. Жмудского решили эксматрикулировать и отдать под суд, для чего составили соответствующее определение прокурору.

После заседания Пусторослев отправился домой (в то время он жил на Рижской улице, в доме № 57). Вскоре послышались два выстрела, и ворвавшиеся в квартиру люди нашли декана лежащим на кровати с простреленным левым боком. Единственной причиной своей попытки самоубийства он назвал незаслуженное оскорбление, которое только что было нанесено ему Жмудским. Немедленно вызвали начальника полицейского участка и декана медицинского факультета профессора Игнатовского, который прибыл с двумя коллегами из университетской хирургической клиники. Врачи обследовали раненого и пришли к заключению, что его положение, несмотря на начавшуюся лихорадку, не опасно для жизни.

Чтобы лучше понять психологические мотивы поступка Пусторослева — декана университета, юриста, имевшего международную известность, и главы семейства, нужно обратиться к неписаным законам, регулировавшим поведение русского дворянина¹⁰, которые описал Ю. М. Лотман [Лотман]. Разумеется, не нужно забывать, что Лотман рассматривает более раннюю эпоху и иные условия, нежели те, которые существовали в конце XIX столетия в Прибалтийских губерниях. Однако все же можно утверждать, что в тогдашнем Тарту к вопросам чести относились не менее щепетильно, чем в Петербурге в конце XVIII – нач. XIX вв. Например, на страницах 4-го номера от 11 ноября 1913 г. “Nordlivländische Zeitung” мы находим следующее объявление на русском языке: «Сим объявляю, что г. Эсаулов, оскорбивший меня на вечере в обществе “Bürgermusse” <имеется в виду известный в то время в городе клуб. — Я. Р.>, отказался от вызова через секундантов — как устно, так и письменно. С. Федин».

Ю. М. Лотман писал:

Идеал, который создает себе дворянская культура, подразумевает полное изгнание страха и утверждение чести как основного законодателя поведения <дворянина. — Я. Р.>. <...> Особенно ярко это проявляется в отношении к дуэли: опасность, сближение лицом к лицу со смертью становятся очищающими средствами, снимающими с человека оскорбление [Лотман: 92].

Мыслимо ли было для декана Пусторослева вызвать студента Жмудского на дуэль, чтобы освободиться от оскорбления? Очевидно, нет, ибо, как пишет Ю. М. Лотман: «...секунданты, как и противники, должны быть социально равными» [Там же: 98]. Вряд ли Пусторослев мог считать Жмудского равным себе, хотя последний, как мы помним, происходил из дворянского сословия. Однако положение декана и студента в университетской социальной иерархии было слишком далеким от равенства. И если предположить, что радикальный поступок декана не был обусловлен каким-то внезапным эмоциональным

¹⁰ Пусторослев происходил из потомственных дворян Калужской губернии.

всплеском, то, по всей вероятности, он мог рассматривать самоубийство (или, по меньшей мере, такую попытку) как единственный социально приемлемый выход, спасающий его честь.

Интересно отметить, что юридические и этические факторы в описанном случае весьма изолированы. Насколько известно, на заседании правления университета, состоявшемся непосредственно после инцидента, декану — в отличие от студента — не было предъявлено никаких юридических претензий. Несмотря на это, представляется, что для Пусторослева, до попытки самоубийства, вопрос психологически (читай: этически) исчерпан не был. Как замечает Лотман:

Русский дворянин XVIII – начала XIX вв. жил и действовал под влиянием двух противоположных регуляторов общественного поведения. Как верноподданный, слуга государства, он подчинялся приказу <следовательно, закону. — Я. Р.>. Психологическим стимулом подчинения был страх перед карой, наступающей ослушника. Как дворянин, человек сословия, которое одновременно было и социально-господствующей корпорацией, и культурной элитой, он подчинялся законам чести. Психологическим стимулом подчинения здесь выступает стыд, а не страх [Лотман: 92].

Кодекс чести дворянина оказался для Пусторослева сильнее юридических аргументов.

П. П. Пусторослев был ректором Тартуского университета в 1915–1917 гг. [Album: 92], в годы, когда вопрос об эвакуации университета в Россию остро стоял на повестке дня¹¹. Как пишет Л. К. Эрингсон:

¹¹ Характерно, что вопрос о ликвидации университета в Тарту был поднят тогдашней профессурой значительно раньше, чем городу стала угрожать прямая опасность от наступающей германской армии. В газете «Речь» в номере от 19 мая 1910 г. мы находим краткую заметку под заголовком «О переводе университета», подписанную псевдонимом «Юрьевец», где сказано: «Вопрос о переводе из Юрьева здешнего университета получил на днях окончательное разрешение на заседании совета университета. <...> За немногими исключениями, группу недавно еще желавших перевода и усиленно за него хлопотавших составляли “правые профессора”, которые, под разными благовидными

Архивные материалы показывают, что проведение <...> эвакуации Тартуского университета — не единичный акт. Оно началось в 1915–1916 годах вывозом в Нижний Новгород и Пермь значительного количества ценного университетского имущества, без которого можно было еще продолжать учебную работу, и закончилось эвакуацией части личного состава университета в 1918 году в Воронеж. Без преувеличения можно сказать, что вопрос эвакуации наложил свою печать на всю университетскую жизнь в годы войны, вызывая напряженные споры как в университете, так и вне его [Эрингсон: 289].

Пусторослев был одним из тех, кто поддерживал идею эвакуации и активно искал город в центральной России, который был бы согласен принять университет вместе с сотрудниками и имуществом¹².

Представляется, что среди тогдашней профессуры были те, кто, несмотря на глубокие изменения, произошедшие в 1893 г. в деятельности университета, старался сохранить преемственность с предшествовавшим периодом и интегрироваться в местную жизнь. Однако были и другие, кто чувствовали себя в маленьком уездном городке Лифляндии неуверенно и не смогли окончательно преодолеть барьер в общении с высшим немецкоязычным слоем (а, возможно, и с низшим, эстоноязычным). О несколько более раннем времени, о конце 1880-х гг. в Тарту, писал в своих воспоминаниях Михаил Иванович Рос-

предлогами, в роде, напр., необходимости университета для коренного русского Северо-Западного края, или же трудности для большинства русских студентов получать уроки в Юрьеве, стремились отнять у прибалтийских народностей их культурный центр, которым они дорожат веками. <...> Но вот все убеждения, как принципиальные, так и случайные, быстро изменились, как только решительно подул ветер из Риги. Попечителю рижского учебного округа г. Прутченко удалось одним своим появлением и веским словом совершить чудо: чуть ли не все сторонники перевода университета будут теперь голосовать за его оставление в Юрьеве». См. также: [Карпачев: 253–268].

¹² Наряду с Воронежем имелись и другие города-кандидаты, напр., Пермь, Орел, Ростов-на-Дону и др.

товцев, в то время студент медицинского факультета, позднее — профессор Тартуского университета и основатель так наз. частного университета Ростовцева:

Кроме университета все правительственные, городские и земские учреждения носили немецкий облик, чиновники были немцы, делопроизводство производилось на немецком языке. Улицы, площади города носили немецкие названия, и уличные вывески были только на немецком языке. Торговые вывески тоже были на немецком языке. Все горожане, даже не немецкого происхождения, говорили по-немецки, лишь в деревнях был в ходу эстонский язык. Русский язык был в обращении лишь среди старообрядцев. Первое впечатление от Юрьева было то, что это чисто немецкий город, даже старожилы русские, составлявшие более зажиточную часть, онемечивались, говорили на немецком языке не только во внешних сношениях, но и среди домашних [Ростовцев].

Разумеется, ко времени Первой мировой войны облик «немецкого» Тарту несколько изменился — как в результате имперской политики русификации, так и вследствие подъема национального самосознания эстонцев, однако в том, что часть русских профессоров ощущала себя здесь инородным телом, сомневаться не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернандт, Ямпольский: *Бернандт Г. Б., Ямпольский И. М.* Кто писал о музыке: Био-библиографический словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР. М., 1974. Т. 2.
- Вахромеев: *Вахромеев В. А.* Элементарная теория музыки // Музыкальная энциклопедия. М., 1982. Т. 6. Стб. 517–518.
- Грабарь: *Грабарь В. Э.* Четверть века в Тартуском (Дерптском — Юрьевском) университете // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Tallinn, 1954. Вып. 35.
- Карпачев: *Карпачев М.* Перемещение университета из Юрьева в Воронеж // Логос. 2005. Вып. 6. № 51.
- Кипнис: *Кипнис С.* Новодевичий мемориал: некрополь монастыря и кладбища. М., 1998.

- Лийдемаа: *Лийдемаа Е. К.* Борис Измайлович Срезневский и его роль в развитии метеорологии в Эстонии // Сборник работ Таллинской ГМО. Л., 1965. Вып. 3.
- Лотман: *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л., 1983.
- МИУ: Музей истории университета (МИУ — ÜAM) 483:4/Ar; с. 18 (Schnurbuch der Apparate des physikalischen Cabinets der Kaiserlichen Universität Dorpat, 1868–1916).
- МТМ: Музей театра и музыки. Ф. М153. Ед. хр. 1/20.
- Пусторослева 1913: *Пусторослева Ю. И.* Элементарная теория музыки, с объяснениями по истории музыки, примерами из произведений композиторов XIII–XX века, изложением способов извлечения звуков из струнно-клавишных и смычковых инструментов и кратким словарем сокращений музыкальных терминов. М.; СПб.; Юрьев, 1913.
- Пусторослева 1915: *Пусторослева Ю.* Упрощение знака дубль-бемоль // Русская музыкальная газета. 1915. № 21–22. Стб. 383–384.
- Ростовцев: Воспоминания Михаила Ивановича Ростовцева [Рукопись] // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки ТУ. Мсг 1237а. С. 180–181.
- Семенов-Тянь-Шанский: *Семенов-Тянь-Шанский И.* Борис Измайлович Срезневский [Некролог] // Метеорологический вестник 1934. № 8–9.
- Словарь: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902) / Под ред. Г. В. Левицкого. Юрьев, 1902. Т. 1.
- Срезневский 1895: *Срезневский Б.* Открытия Гельмгольца в области теории музыки // Уч. зап. императ. Юрьевского ун-та. 1895. № 1.
- Срезневский 1899: *Срезневский Б.* Пушкин и музыка // Уч. зап. императ. Юрьевского ун-та. 1899. № 5.
- ЭИА–384: Личное дело Бориса Срезневского / Канцелярия куратора Рижского учебного округа // Эстонский исторический архив. Ф. 384. Оп. 1. Ед. хр. 3417.
- ЭИА–384а: Личное дело П. П. Пусторослева / Канцелярия попечителя Рижского учебного округа // Эстонский исторический архив. Ф. 384. Оп. 1. Ед. хр. 3402.
- ЭИА–402: Паспорт Юлии Ивановны Пусторослевой в личном деле П. П. Пусторослева / Тартуский университет // Эстонский исторический архив. Ф. 402. Оп. 3. Ед. хр. 1371.

- Эрингсон: *Эрингсон Л. К.* Из истории эвакуации Тартуского университета (1915–1918 гг.) // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1970. Вып. 258.
- Album: *Album rectorum Universitatis Tartuensis.* Tartu, 1997.
- Allik: *Allik, J.* History of experimental psychology from an Estonian perspective // *Psychological Research* 2007. Vol. 71.
- Goldbach: *Goldbach K. T.* Die musiktheoretische Lehre der Naturwissenschaftler Arthur von Oettingen und Wilhelm Ostwald an der Universität Dorpat // *Universität und Musik im Ostseeraum* / Hg. von E. Ochs, P. Tenhaef, W. Werbeck und L. Winkler. Berlin, 2009.
- Humal: *Humal, M.* Arthur von Oettingeni panus harmooniaõpetuse arengusse // *Teater. Muusika. Kino.* 2002. Nr 2.
- Lexicon: *Deutschbaltisches biographisches Lexicon 1710–1960.* Wedemark, 1998.
- Liidema: *Liidema, H.* Tartu Ülikooli meteoroloogia observatooriumi rajamine ja meteoroloogia areng Eestis aastail 1865–1918 // *Teaduse ajaloo lehekülgi Eestist VIII.* Tallinn, 1992.
- Lõbu: *Lõbu, T.* Mõnda Tartu Ülikooli muusikaõpetajatest // *Teater. Muusika. Kino.* 2004. Nr 7.
- Maurer: *Maurer T.* Vorposten — oder auf verlorenen Posten? Die Universitäten Strassburg und Jur'ev 1872/1887–1918 // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung.* 2007. Bd. 56. Nr 4.
- Oettingen: *Oettingen A. J. von.* Harmoniesystem in dualer Entwicklung. Dorpat; Leipzig, 1866.
- Prüller: *Prüller, P.* Füüsika Tartu Ülikoolis 19. sajandi teisel poolel ja 20. sajandi algul // *Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi VIII.* Tartu, 1979.
- Pung: *Pung, T.* Tartu Ülikooli füüsikaprofessor Arthur Joachim von Oettingen // *Teaduse ajaloo lehekülgi Eestist XIII.* Tartu, 2004.
- Rand, Jaanson: *Rand, M., Jaanson, E.-L.* Muusikaharuldusi käsikirjas ja trükis // *Tartu Ülikooli raamatukogu töid XI.* Tartu, 2000.
- Rohtla 2005: *Rohtla, G.* Tartu varasem muusikaelu // *Tartu. Ajalugu ja kultuurilugu* / Koost. ja toim. H. Pullerits. Tartu, 2005.
- Rohtla 2008: *Rohtla (Rämmer), G.* Muusikaõpetaja koht Tartu Ülikoolis 1803–1807 // *Res Musica (Tallinn).* 2008. Nr 1.
- Veske: [*Veske, M.*] Eesti rahvalaulud! // *Oma Maa (teaduste ja juttude ajakiri).* 1884. 1. aastakäik.